6. Дёнъ 10 прошло. Опять царь посылаетъ къ Быжырмарһану: „Давай пускáть *бѣгунцóвъ*: если моя лошадь прежде придётъ, твою голову отсѣкёмъ; твоя лошадь прежде придётъ, мою голову отсѣкёмъ".

Быжырмарһанъ на дверь посмотрѣлъ, заплакалъ; въ красный уголъ взглянулъ, разсмѣялся. Спрашиваетъ *бабы*: „что будемъ дѣлать теперь?" — „Айда, шолковую опояску неси отцу, а онъ дастъ тебѣ *тулпáра*".

Сходилъ и попросилъ у тестя: „бѣгунцовъ хотимъ пускать, лошадь мнѣ надо бы".—„Вотъ,—говоритъ:—у меня малой *тулпáръ*, бери! Зажмурь глаза, бей его разъ и потомъ гляди". — Зажмурилъ глаза, ударилъ тулпара; смотритъ: дóма, въ свою избу пришолъ.

Майданъ начался. Пустили *бѣгунцовъ*; идутъ они. У Быжырмарһана далеко впередъ идётъ тулпаръ, царскаго бѣгунца не видать за нимъ. Семь шолковыхъ верёвокъ протянуто было на концѣ бѣга; шесть верёвокъ порвалъ тулпаръ, только на послѣдней остановился. Царскій бѣгунецъ пришолъ много послѣ.

Быжырмарһанъ сдѣлался царемъ.

---

107. Алеукà.

1. Давно жилъ одинъ богатый старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ только сынъ, по имени Алеýкá. Отецъ и мать посылаютъ парня каждый день глядѣть конный табунъ: „гляди табунъ, гони его на *елань* Илкуаръ: если эта елань будетъ полна, то вся скотина цѣла; не полна елань — скотины ни хватаетъ". — Каждый день ходилъ парень, гонялъ табунъ на елань; елань всё полна.

Однажды онъ лёгъ тамъ спать и уснулъ. Мимо его проходила дѣвица Жинъ пэри (парей) и надѣла ему на руку колечко. Когда парень пробудился и всталъ, онъ оказался безъ языка — не можетъ ничего говорить.

Пришолъ домой, въ избу, хочетъ говорить, и не можетъ. Отецъ съ матерью спрашиваютъ: „чего тебѣ сдѣлалося?"— Онъ ничего не отвѣчаетъ; выговорилъ только одно слово: „старика съ бѣлой бородой ташшúте!"—Никто не понимаетъ,

какого старика. Отецъ съ матерью ревутъ: одинъ только сынъ у нихъ.

2. Думалъ, думалъ отецъ, сѣлъ на вéршну и поѣхалъ искать бѣлобородаго старика. Долго ѣхалъ, наконецъ видитъ: сидитъ старикъ съ бѣлой курчавой бородой. — „Тебя мнѣ и надо! Иди ко мнѣ: у меня сынъ не можетъ говорить". — Старикъ говоритъ: „айдá, собирай больше народу и коли скотину—кормить гостей! Когда всё у тебя будетъ готово, я приду".

Воротился отецъ Алеўки домой, позвалъ въ гости всѣхъ своихъ однодеревенцевъ, закололъ сколько тамъ быковъ, овецъ. — Пришолъ и старикъ съ бѣлой бородой. А Алеўка всё не можетъ говорить.

Нагостились. Хозяинъ говоритъ бѣлобородому старику: „вотъ у меня парень немóжетъ, тебя просилъ привести". — Старикъ подошолъ къ Алеўкѣ, взялъ его за правую руку, гладитъ. И говоритъ старикъ: „Айдá скорѣе, выбирай изъ табуна шесть паръ чубарыхъ кóней — догонять надо". — Отецъ Алеўки говоритъ: „Не только что шесть, шестьдесятъ паръ чубарыхъ коней можно отобрать у меня въ табунѣ!"—Пошолъ въ табунъ, смотритъ: ни одной чубарой лошади нѣту; искалъ, искалъ, не могъ найти. Воротился домой и говоритъ Алеўкѣ: „парень, ни одной чубарой лошади я не мóгу найти!" — Парень сказалъ: „На Гусиную гору (Каз-тáу) ушла у насъ одна кобыла; навѣрно, всѣ туда ушли". — Пошолъ старикъ опять, смотритъ: всѣ чубарые кони собрались въ одно мѣсто, а лошадей другой масти тутъ совсѣмъ нѣтъ. Давай ловить ихъ; шесть паръ поймалъ, привёлъ домой.

3. Старикъ съ бѣлой курчавой бородой говоритъ: „Давай, скорѣе садись на вéршну, надо ѣхать въ погоню!" — Самъ бѣлобородый старикъ поймалъ рыжую лошадь, сѣлъ на неё и поѣхалъ впереди. *Смáху* гóнитъ впередъ. Пристáла лошадь у Алеўки, и отцова лошадь пристала; пересѣли они на другихъ коней. И эти кони пристáли, пересѣли на новыхъ; потомъ пересѣли на послѣднюю пару, и она уже не можетъ идти. А у бѣлобородаго старика рыжко всё идётъ хорошо впередъ.

Слѣзъ бѣлобородый старикъ со своего коня и говоритъ Алеўкѣ: „садись на моего рыжка; назадъ не оглядывайся;

хлыстикомъ бей коня такъ, что—по одному боку бьешь, а по другому чтобы кровь пошла. Доѣдешь до рѣки, остановись ночевать; утромъ встанешь, придётъ дѣвица съ чайникомъ за водой—ты ей это колечко отдай".

4. Доѣхалъ Алеўка до рѣки, остановился ночевать, коня привязалъ. Выспался, утромъ всталъ, глядитъ: одна дѣвица идетъ съ чайникомъ за водой. Алеўка подходитъ къ ней и говоритъ: „*Апàй*, у тебя сестра есть?" — „Есть".—Алеўка показалъ ей свое колечко; та и говоритъ: „Это моей сестры колечко, гдѣ ты его взялъ? Моя сестра замужъ выходитъ, свадьбу играетъ".

Алеўка отдалъ ей колечко сказалъ: „Когда будешь поливать сестрѣ на руки воду, то спусти ей на руки вмѣстѣ съ водой это колечко".—Та взяла и ушла. Алеўка остался; тоскливо стало ему.

5. Дѣвица пришла домой; стала подавать воду — руки умывать. Пришла сестра, она спустила ей съ водой колечко: какъ полила воды, такъ колечко само и надѣлось на руку. Сестра удивилась. — „Откуда это взялось у меня колечко?" — „Это тебѣ молодецъ послалъ". — „Покажи мнѣ его".

Свела дѣвица свою сестру на рѣку, показала ей Алеўку. Они познакомились и полюбили другъ друга; сѣли на рыжка и угнали домой; сбѣжали.

6. Отецъ съ зятемъ узнали объ этомъ; кинулись въ погоню. Зятя звали Кубыкты-карà [въ буквальномъ переводѣ: черный гребень на водяной волнѣ]. Гонятъ они шипко; догоняютъ Алеўку.

Невѣста спрашиваетъ Алеўку: „чего ты умѣешь дѣлать? покажи мнѣ".—Тотъ вмѣсто отвѣта поетъ:

На островѣ растётъ тридцать осокорей *(тирак)*:
Всѣ они упадутъ, если я выстрѣлю!

Взялъ стрѣлу и выстрѣлилъ изъ лука; всѣ тридцать осокорей упали: 29 срѣзала стрѣла, въ тридцатомъ завязла.— И опять поѣхали впередъ.

Сзади ихъ идетъ погоня; ѣдутъ тесть съ зятемъ и думаютъ: „Почему это осокори упали? Если бы ихъ вѣтромъ уронило, то почему они всѣ ровны? Если топоромъ срублены, то почему нѣтъ щепъ? Если пилой спилены—почему

нѣтъ опилковъ?" Думаютъ, дивятся; увидали въ тридцатомъ осокорѣ стрѣлку, догадались: стрѣлой, видно, срѣзалъ!

Ѣдутъ. Невѣста опять спрашиваетъ Алеўку: „Что ты умѣешь дѣлать? покажи мнѣ". — Алеўка опять запѣлъ:

На краю стоятъ сорокъ сосенъ:
Всѣ сорокъ упадутъ, если я выстрѣлю!

Выстрѣлилъ изъ лука, и всѣ сорокъ сосенъ упали: въ послѣдней завязла стрѣлка. — Тѣ увидѣли и опять думаютъ: отчего сосны упали? — Думали, думали, увидѣли въ послѣдней соснѣ стрѣлку и догадались.

7. Гналъ, гналъ Алеўка. Тесть его воротился домой, остался одинъ зять Кубыкты-кара. Наконецъ, у Алеўки рыжко присталъ. Слѣзли они съ коня, пошли пѣшкомъ. Много, ли мало ли шли, Кубыкты-кара ихъ догналъ и говоритъ Алеўкѣ: „Застрѣлю я тебя до́ смерти!... Оставь дѣвку, такъ я не буду стрѣлять!" — Алеўка говоритъ: „Давай, стрѣляй!" — Невѣста стала на серединѣ между ними и говоритъ: „кто кого застрѣлитъ, за того я и пойду!"

Кубыкты-кара стрѣлилъ, не попалъ. Потомъ Алеўка стрѣлялъ, попалъ Кубыкты-карѣ въ стрѣлы: 10 стрѣлокъ было у Кубыкты-кары, осталось только двѣ. Кубыкты-кара стрѣлялъ и тоже попалъ Алеўкѣ въ стрѣлы: три стрѣлы кончалъ, осталось у Алеўки 9 стрѣлокъ. Потомъ Алеўка стрѣлялъ, попалъ въ Кубыкты-кару, и тотъ умеръ.

Алеўка съ невѣстой поѣхалъ къ тестю, воротился назадъ. Тесть ихъ угощаетъ; живутъ они тутъ долго; уже ребенокъ родился у молодой жены. Взяли они съ собой дѣвицу няньку и поѣхали домой.

8. Подъѣзжаютъ къ дому; остановились у рѣки. Алеўка и говоритъ: „*Ба́ба*, я тебя оставлю здѣсь съ нянькой, а самъ схожу домой: близко уже домъ-то". — Ушолъ. А жена у Алеўки была шипко *ба́ска*: въ одной щекѣ мѣсяцъ, въ другой солнце.

Алеўка пришолъ домой. Поздоровался съ отцомъ и матерью; говоритъ имъ: „Я женился; жена у меня шипко ба́ска. Надо постлать ковры въ огра́дѣ. У меня жена: разъ плюнетъ — серебро, другой разъ плюнетъ — золото. Вотъ

какая у меня *баба*!“ — Такъ сказалъ и ушолъ назадъ къ бабѣ.

А баба его начала безъ него купаться. Сняла съ себя всю одежду и какъ *чебакъ* гуляетъ въ водѣ. А у нея была очень хорошая одёжа изъ золота и серебра. Нянька взяла эту одёжу и надѣла на себя. Та вышла изъ воды; нянька ей одёжи не даетъ: „моя“, говоритъ. Просила, просила, не даётъ. Стыдно ей стало нагишóмъ. Была у ней другая одёжа: какъ ее надѣла, такъ и улетѣла, ровно гусь.—А эта нянька взяла ребенка, держитъ его, какъ будто своего, и пѣсню поетъ.

Пріѣхалъ Алеўка и спрашиваетъ ее: „А гдѣ *анáй*?“ — „Она купалась и утонула; я искала, искала, не могла найти“. — Заревѣлъ Алеўка; самъ пошолъ искать, не нашолъ. — „Унесло, видно, — говоритъ: — водой“. — Пошли съ нянькой и съ ребенкомъ домой; ребенокъ у ее реветъ. Пріѣхали въ деревню; Алеўкѣ стыдно: шибко хвалилъ онъ свою *бабу*, а смотритъ народъ: баба у него не шибко баская, середняя, значитъ. (Няньку онъ за бабу тащилъ).

А у Алеўки всё серцо болитъ: „гдѣ моя баба?“ И ночью онъ не спитъ.

9. Пріѣхали путешественники и спрашиваютъ: „Пустишь насъ на *фатеру*?“ — Алеўка пустилъ. Сѣли обѣдать. Одинъ путникъ и говоритъ: „Сегодня я шибко удивился — охóтничалъ на болотѣ ночью: кричитъ тамъ гусь жалобно-жалобно, реветъ; видно, потерялъ пару. Я хотѣлъ застрѣлить, рука не поднимается: онъ ровно понимаетъ, кланяется, жалобно кричитъ“.—Алеўка говоритъ: „Охъ,—говоритъ:—это навѣрно моя баба гуляетъ. Гдѣ вы видѣли, въ какомъ мѣстѣ?“ — „Вотъ такое-то мѣсто“.

„Дайте мнѣ совѣтъ, какъ ее поймать?“ — „Вотъ какъ: всю свою деревню собери, весь *молодяжникъ* сначала спроси, а потомъ всѣхъ стариковъ: что они тебѣ скажутъ, какъ посовѣтуютъ“.

10. Прошолъ этотъ день. Утромъ встали, Алеўка давай собирать народъ. Закололъ быковъ, барановъ. Молодяжникъ посадилъ въ одно мѣсто, стариковъ въ другое. Наѣлись, сидятъ. Алеўка и спрашиваетъ: „Вотъ,—говоритъ:—у меня баба улетѣла, какъ её поймать? Въ лѣсу ее видѣлъ народъ“.—Молодяжникъ отвѣчаетъ: „Давай поймаемъ ее: ко-

торый палку возьметъ, который на вершну сядетъ,—окружимъ и возьмемъ".

Потомъ спросилъ у стариковъ: „вы какой совѣтъ дадите?" — „Надо умно поймать. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она гуляетъ, надо выкопать яму, чтобы туда человѣкъ ушолъ; постлать тамъ хорошую постелю и положить ребенка. Садись самъ туда, чтобы не видно было. Она къ ребенку придетъ, ребенка возьметъ и станетъ *сосить*. Когда станетъ сосúть, тогда ее можно будетъ поймать".

Такъ и сдѣлалъ Алеўка. *Баба* пришла ближе къ ребенку, хотѣла сѣсть, да опять улетѣла — боится. Кружáлась, кружáлась, садилась на деревья; спускалась все ниже. Наконецъ, сняла одежду, и стала бабой; взяла ребенка и стала сосúть. Ребенокъ сосáлъ, сосалъ и уснулъ; потомъ и мать уснула. Алеўка ее тихонько держалъ. Когда она разбудилась, узнала его. Надѣлъ на нее одежду и увелъ домой.